

Agatha Christie[®]
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Agatha Christie®

Агата Кристи

Печальный
кипарис

Москва
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
SAD CYPRESS

Copyright © 1940 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT
and the Agatha Christie Signature are registered trademarks
of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere.
All rights reserved.

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Кристи, Агата.
К 82 Печальный кипарис / Агата Кристи ; [пер.
с англ. С. Никоненко]. — Москва : Издательст-
во «Э», 2017. — 320 с. — (Агата Кристи. Серебря-
ная коллекция).

ISBN 978-5-699-80002-5

Все началось с того дня, когда пришло анонимное письмо. Это было только началом. А потом... Скончалась богатая пожилая дама. А вслед за этим была убита ее молоденькая воспитанница. Улики указывают на оставшуюся в живых единственную наследницу. И не только улики — обвиняемая сама сознается в преступлении. Но Эркюль Пуаро подозревает, что все не так просто...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Никоненко С., перевод на русский язык,
2012

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-80002-5

*Питеру и Пегги Маклеод
посвящаю*

Уходи, улетай, смерть!
Где печальный стоит кипарис,
Дай мне в землю спокойно лечь!
И тогда, о мой дух, испарись!
Пусть ветки тиса обовьют
Мой саван.
С любимой смерть я разделю
Как славу¹.

*В. Шекспир.
«Двенадцатая ночь», акт II, сц. 4*

Пролог

— Элинор Кэтрин Карлайл, вам предъявляется обвинение в убийстве Мэри Джерард, совершенном двадцать седьмого июля сего года. Признаете ли вы себя виновной?

Элинор Карлайл стояла, гордо подняв изящную темноволосую голову, бесстрашно глядя на судью бездонными синими глазами.

В зале повисла тишина — напряженная, многозначительная тишина.

Сэра Эдвина Балмера, защитника, охватило тревожное предчувствие.

«Боже мой, — подумал он, — она готова признать себя виновной... У нее сдали нервы...»

¹ Песня шута из пьесы «Двенадцатая ночь».

Элинор Карлайл чуть сдвинула тонкие брови и разжала губы:

— Я не виновна.

Защитник с облегчением вытер платком лоб.

Обвинитель сэр Самьюэл Аттенбери стоя излагал суть дела, обращаясь к суду:

— Позвольте, ваша светлость и господа присяжные, сообщить, что двадцать седьмого в три тридцать пополудни Мэри Джерард скончалась в Хантербери, Мейденсфорд...

Его голос, звучный и приятный, лился и лился, обволакивая сознание. Элинор почти ничего не воспринимала. Лишь отдельные случайные фразы:

— ...Дело до чрезвычайности простое...
...Обязанность обвинения подтвердить мотивы и благоприятствующие обстоятельства...

...Ни у кого, кроме обвиняемой, насколько можно судить, не было никаких мотивов убивать эту несчастную девушку — Мэри Джерард. Юное существо с чудесным характером, всеми любимое, не имевшее ни единого, можно сказать, врага...

«Мэри, Мэри Джерард! Каким далеким все это сейчас кажется... и каким нереальным...»

— ...Особое внимание прошу уделить выяснению следующих обстоятельств.

Первое. Какими возможностями и средства-

ми располагала обвиняемая для того, чтобы дать жертве яд?

Второе. Что именно послужило мотивом преступления? Я обязан представить свидетелей, которые помогут вам установить истину в этом деле...

...Что касается отравления Мэри Джерард, я приложу все усилия, чтобы доказать, что ни у кого, кроме обвиняемой, не было возможности совершить это преступление.

Элинора казалось, что ее окутал плотный туман, сквозь который до нее долетали лишь отдельные слова.

— ...Сандвичи... Рыбный паштет... Пустой дом...

Будто через тяжелое толстое покрывало слова булавками вонзались в ее сознание.

Зал суда. Лица. Целые ряды лиц! Среди них выделяется одно — с большими черными усами и пронизательными глазами. Эркюль Пуаро, слегка склонив набок голову, задумчиво следит за ней.

«Ну ясно: старается понять, почему я это сделала... Пытается проникнуть в мои мысли, чтобы узнать, о чем я тогда думала, что чувствовала...» — подумала она.

«Что чувствовала?.. Какое-то затмение — затем чуть болезненное ощущение от шока...»

Она увидела лицо Родди... родное, милое лицо... длинноватый нос, выразительный рот...

«Родди! Всегда Родди — всегда, с тех самых пор, как себя помню... да-да, с тех самых дней в Хантербери — среди кустов малины, наверху, где водились кролики, и внизу — у ручья. Родди — Родди — Родди...»

Есть и другие знакомые лица! Свежая веснушчатая физиономия сестры-сиделки О'Брайен: рот слегка приоткрыт, шея вытянута вперед. У сестры Хопкинс очень чопорный вид — чопорный и неумолимый. Лицо Питера Лорда... Питер Лорд, такой добрый, такой благоразумный, такой... успокаивающий! Но сегодня он выглядит... как бы это выразить... потерянным? Да — именно потерянным! Как он глубоко все это переживает! А ей, главному действующему лицу, абсолютно все равно!

Она совершенно спокойна и холодна, хотя и находится на скамье подсудимых и ее обвиняют в убийстве.

Но вот в ней словно что-то шевельнулось: мгла, окутавшая ее сознание, стала рассеиваться. Она на скамье подсудимых!.. И люди, люди...

Люди... Их горящие глаза пожирают ее, Элинор, их рты приоткрыты. Они с затаенной жестокой радостью слушают, что говорит о ней этот высокий человек с иудейским носом. Да, да,

для них это всего лишь щекочущее нервы развлечение.

— Факты в этом деле абсолютно ясны и не вызывают сомнений, — говорил этот человек, — я коротко изложу их вам.

С самого начала Элинора стала вспоминать: «Начало... Начало? Тот день, когда пришло это ужасное анонимное письмо. Это и было началом...»

ЧАСТЬ I

Глава 1

1

Анонимное письмо!

Элинор Карлайл стояла, держа в руке распечатанное письмо. Она никогда еще не сталкивалась с подобными вещами. Оно было написано на дешевой розовой бумаге, почерк корявый, куча ошибок.

Какая гадость!

«Это — чтобы предупредить вас. Я не называю имен, но существует Кое-кто присосавшийся к вашей Тетушке, и если вы не позаботитесь, Лишитесь Всего. Девушки очень Хитры и старые леди размякают, когда они к ним подлизываются и льстят им. Что я говорю — это вы лучше приезжайте и увидите сами, что кое-кто собирается обобрать вас... и молодого джентльмена... зацапать то, что Ваше по праву — и Она Очень Хитрая и Старая Леди может Загнаться в любую минуту.

Доброжелатель».

Элинор продолжала с гримасой отвращения вчитываться в корявые строчки, но тут открылась дверь, и горничная объявила: «Мистер Уэлман». Вошел Родди.

Родди! Как всегда, когда она его видела, ее охватывал легкий трепет, внезапное ощущение блаженства, но она знала, что не должна выдавать себя и что ей обязательно нужно сохранять равнодушно-бесстрастный вид. Ведь совершенно ясно, что, хотя Родди и любит ее, его чувство к ней совсем не такое, какое испытывает она. От одного лишь взгляда на его лицо все в ней переворачивалось, и сердце начинало бешено колотиться, почти болело от счастья. Ей и самой было странно и непонятно, что этот совершенно обыкновенный молодой человек так на нее действовал. При его появлении оживал мир, а звук его голоса вызывал желание... чуть ли не плакать... Но ведь любовь, кажется, должна приносить радость, а вовсе не боль, даже если это такая вот сумасшедшая любовь...

Ясно одно: нужно очень, очень постараться показать свое безразличие или даже пренебрежение. Мужчинам не нравится преданность и обожание. И Родди уж точно этого не любит.

— Привет, Родди! — небрежно бросила она.

— Привет, дорогая! У тебя такой несчастный вид. Счет пришел?

Элинор покачала головой.

— А я думал, это счет, — сказал Родди. — Все-таки середина лета, когда танцуют феи и как из рога изобилия сыплются счета.

— Вообще-то я получила нечто не менее противное, чем счет, — сказала Элинор. — Анонимное письмо.

Родди вскинул брови. Его живое лицо застыло.

— Нет! — воскликнул он с отвращением.

— Да, очень противное... — повторила она и шагнула к стулу. — Пожалуй, лучше его порвать.

Она могла бы сделать это — и почти сделала, — ибо появление Родди не должно быть осквернено этим мерзким письмом. Она могла бы выбросить его и больше о нем не думать. И Родди не стал бы ее останавливать. Его природная деликатность была куда сильнее любопытства. Однако она, сама не зная почему, решила иначе.

— Может, все-таки прочтешь? — предложила она. — Там насчет тети Лоры.

Родди опять удивленно поднял брови.

— Насчет тети Лоры?

Он взял письмо, прочитал и, брезгливо поморщившись, вернул его Элинор.

— Да, — сказал он. — Немедленно его сожги! Ну и ну! Чего только не напишут...

— Как по-твоему, это кто-нибудь из слуг? — спросила Элинор.

— А кто же еще? — Помешкав, он добавил: — Интересно, кого они имеют в виду?

— Скорее всего, Мэри Джерард. Да, наверное, ее, — задумчиво произнесла Элинора.

Родди нахмурился, силясь вспомнить.

— Мэри Джерард? Кто это?

— Это дочь тех людей, что жили в сторожке. Ты мог видеть ее, когда она была еще ребенком. Тетя Лора всегда очень любила эту девочку и всячески ее опекала. Она платила за ее обучение в школе и, мало того, оплачивала уроки музыки, французского языка и чего-то там еще.

— Ах да, — сказал Родди, — теперь я ее припоминаю, худышка, сплошные руки и ноги, копна растрепанных белесых волос.

Элинора кивнула.

— Ты, наверное, не видел ее после того лета, когда мама и папа уезжали за границу. Ну конечно, ведь ты бывал в Хантербери не так часто, как я, а она в последнее время жила в Германии — нанялась к кому-то в компаньонки. Но в детстве мы часто играли вместе.

— А какая она сейчас? — поинтересовался Родди.

— Она стала очень привлекательной, — ответила Элинора. — Хорошие манеры, и одевается со вкусом. Она ведь получила образование, и ты ни за что бы не признал в ней дочку старого Джерарда.

— Совсем как настоящая леди, а?

— Да. И я думаю, что именно поэтому ей не очень-то уютно теперь в сторожке. Видишь ли, миссис Джерард несколько лет назад умерла, а с отцом Мэри не ладит. Он насмехается над ее образованностью и «господскими выкрутасами», как он это называет.

— Люди и не подозревают, какой вред можно причинить этим самым «образованием»! Их доброта часто оборачивается жестокостью! — в сердцах сказал Родди.

— Да, но, по-моему, она почти все время проводит в хозяйском доме. После того как у тети Лоры был удар, Мэри читает ей вслух, — возразила Элинора.

— А почему ей не может читать сиделка? — спросил Родди.

— У сестры О'Брайен ужасный ирландский акцент, это кого угодно выведет из себя, — улыбнулась Элинора. — Неудивительно, что тетя Лора предпочитает Мэри.

Родди нервно прошелся по комнате и вдруг сказал:

— Знаешь, Элинора, я думаю, нам следует туда поехать.

— Из-за этого письма?.. — снова скорчив безгловую гримаску, спросила Элинора.

— Нет-нет, вовсе нет. А впрочем, черт возьми, нужно быть честным: да! Оно, бесспорно,

мерзкое, однако в нем может быть доля истины. Старушка действительно крепко больна...

— Да, Родди.

Он подкупающе улыбнулся, как бы сожалея о несовершенстве человеческой натуры, и закончил фразу:

— ...и деньги для нас действительно важны — и для тебя, и для меня, Элинор.

— Да-да, конечно, — поспешно согласилась она.

— Ты не подумай, что я такой уж алчный, — продолжил Родди. — Но, в конце концов, тетя Лора сама много раз говорила, что мы с тобой ее единственные близкие родственники. Ты — ее родная племянница, а я — племянник ее мужа. Она всегда давала нам понять, что после ее смерти все ее состояние должно перейти к одному из нас, а скорее всего — к нам обоим. И это поря- дочная сумма, Элинор!

— Да, — задумчиво произнесла она. — Наверное, немалая.

— Содержать Хантербери — дело нешуточное. Дядя Генри, как говорится, совсем не бедствовал, когда встретился с твоей тетей Лорой. Да и она была богатой наследницей. Ей и твоему отцу досталось приличное состояние. Жаль, что он так неудачно играл на бирже и растерял большую часть своего наследства.

Элинор вздохнула.